

С.Д.ХАХАЕВ о польских событиях

1980-1981г.г.

Запись 25.03.92г.

- Я, собственно, не знаю, что я могу рассказать. Если на группу Скобова-Ревникова события в Польше в 1980 году в какой-то степени оказывали влияние, то мы-то в этот момент уже ничего не делали. И даже с точки зрения теории нас это не вдохновило на написание каких-либо трудов. Только Молостцов в свое время воспринял эти события. Я помню наши с ним споры по этому поводу о том, что это как раз вот утверждение марксизма. Потому что, действительно, выяснилось-таки, что бюрократическая система развивает рабочий класс в классическом смысле, - фабрично-заводские рабочие, буквально по Марксу. Мы, конечно, к этому отнеслись очень скептически, потому что это было не чисто рабочее движение, несмотря на эйфорию. Было очевидно, что это рабочее движение могло действительно достигнуть каких-то успехов только в результате союза с обще-демократическими силами страны. И, в общем-то, непрочность этого союза и дала возможность Ярузельскому сделать этот переворот. Все говорят, что это предотвратило советское вторжение, но трудно сказать, так ли это.

- Кто-то мне говорил, что тогда формулировали: в Польше свершилось то, о чем Хахаев и Ронкиным мечтали в начале 60-х. Это так?

- В Польше действительно свершилось то, что отвечало нашим традициям, когда мы писали нашу книжку. Если бы мы оставались на тех же позициях, это было как раз то, что нам тогда было нужно. Марксистская классика, столь близкая Молостцову - в

в этом смысле он оставался на этих позициях. Он сказал: пролетариат победил, это та сила, которая способна разгромить эту систему. Мы к тому времени уже не стояли на этих позициях. Мы считали, что в марксистском смысле пролетариат не является восходящим классом к концу нашего века. Класс фабрично-заводских рабочих прогрессивной исторической силой, в общем, никогда и не был в марксистском смысле, но и восходящим классом он уже быть перестал. И поэтому рабочее движение, как мы считали, может быть чисто юнионистским только. А если касаться политики, то система может быть свалена только союзом общедемократическим, а отнюдь не чисто пролетарским. Собственно, когда мы и писали книжку, мы уже не стояли на этих позициях. Пролетариат восходящим классом мы не считали, и говорить, что будущее за ним - это пройденный этап. Но есть некоторая разница между умозрительными тезисами и психологическим настроением. Допустим, сейчас умозрительно я понимаю, что надо строить капитализм. А сердцем мне капитализм противен. И поэтому я не могу идти в первых рядах строителей этого капитализма. То же самое здесь. Хотя мы преодолели марксистские схемы, но в глубине души мы считали, что класс фабрично-заводских рабочих действительно является хребтом для будущего демократического движения. Но когда мы вышли из лагеря, мы уже это дело пересмотрели. В период многочисленных дискуссий с представителями других направлений мы поняли, что речь идет только об общедемократическом направлении, - лагерных дискуссий. Наше пребывание в лагере совпало с пражской весной. Когда мы увидели, что действительно, в общем-то, крах бюрократической системы возможен только в результате разложения самого класса бюрократии.

Кто-то недавно высказал хорошую мысль: доллар разложил бюрократический класс, молодое поколение советских бюрократов поняло, что доллар лучше, американская жизнь лучше, они и разложили своих отцов - отцы повисли в воздухе. Поэтому горбачевская революция и прошла. Вся элита, особенно политическая, была разложена долларовыми инъекциями. Валютными магазинами. И тогда события в Польше лично меня насторожили тем, что попытка сделать пролетарскую революцию в бюрократической стране была обречена с самого начала. Поэтому я не верил в прочность этих успехов, понимая, что возможно одно из двух: либо действительно там произойдет общедемократическая революция, и тогда рабочее движение будет существенным, но не ведущим; или же оно потерпит поражение, оставшись в одиночестве. Поэтому, в отличие от Молострова, я не рассматривал события в Польше как торжество марксистских идей.

- А вы уже не считали себя марксистом в 1980-м?

- Понимаете, это сложный вопрос. Все зависит от того, что считать основным в учении Маркса. У него все время две стороны. Одна - общегуманистических рассуждений, которые, на мой взгляд, совершенно правильны и не отвергнуты, несмотря на прошедшие 150 лет. И другая сторона - революционная программа, которая была утопической с самого начала и полностью провалилась за все эти годы. Общие рассуждения типа вопроса об отчуждении, о роли производительных сил в формировании общественных отношений и структур общества в целом. Любой западный социолог воспринимает эти положения. А все остальное, что Ленин, собственно считал марксизмом (и все последующие), себя изжило еще к концу жизни Маркса. Энгельс уже понимал, что надо идти не

на баррикады, а на выборы и т.д. Уже тогда было ясно, что ситуация меняется. Я считаю себя марксистом в том смысле, что я признаю труды Маркса до постановки некоторых общетеоретических положений, на которые до него достаточного внимания не обращали, хотя в неявном виде они и присутствовали еще, скажем, у Платона, не говоря уже о более поздних социалистах.

- А вам не хотелось поехать в Польшу?

- Нет. Нет. И принять участие? Нет. Потому что я бы чувствовал там себя чужим. Потому что все это носило достаточно специфический польский характер. Это неизбежно: все движения в бывших странах народной демократии были связаны с резким антирусским настроем. И консолидировались именно на почве борьбы с Советским Союзом и на советской опасности. Скобов действительно бредил идеей бежать в Польшу. Но это уже возраст просто.

- А сколько вам было лет?

- Слава Богу, уже 40 лет.

- Не так много.

- Не так. Но это уже не 20. Вот в 20 лет мог бы и захотеть. ~~Можем~~ Скажем, на Кубу мы хотели ехать в 59-м. У нас были такие мысли не в плане практической реализации, а в смысле эмоционального желания.

(...)

Безусловно, "Солидарность" могла победить только благодаря совместным усилиям интеллигенции и пролетариата. Но сама "Солидарность", родившаяся в Гданьске, таковой не была. Другое дело, что потом, после того, как профсоюз сорганизовался, его реализация стала возможной именно благодаря этому союзу. Но его пытались преподносить, в том числе и Лех Валенса, как чисто рабочее движение. Как бы в отличие от гнилой интелли-

гении, рабочие действуют решительно. Все вот это крыло, от которого потом откололась группа и стала "Солидарностью", была настроена еще более решительно в этом смысле. Но на практике, действительно, победа "Солидарности" была возможна только благодаря союзу между общедемократическим движением. Совершенно очевидно.

Но "Солидарность"-то считала, что она является главной силой, хотя она таковой не являлась, - при всем при том. Главной силой была... слабость польской бюрократии. Так же, как в Союзе. Почему, скажем, стали осуществимы реформы Горбачева? Почему провалился путч? Потому что слабы были они. Почему демократы до сих пор удерживаются у власти? Не потому, что они сильны, - действительно, достаточно пары рот, чтобы их разогнать... А противники слабы. Если большевики в свое время захватили власть ^{TO}, не благодаря своей силе, а благодаря слабости своих противников.

- Так, может быть, здесь есть некая закономерность для этой страны?

- Нет, не этой страны. Это, может быть, даже общая закономерность. Потому что, если посмотреть на историю революций, то видно, до какой степени ничтожны были силы, которые дерзнули...

- Вы считали события в Польше "революцией"?

- Да, безусловно. Мы рассчитывали, что это будет революция. Но, как я считал, поскольку там с самого начала на первый план выходят чисто рабочие вопросы, она не должна привести к победе. Именно по этим причинам. Потому что, по-настоящему, требованием рабочего являются выгодные условия продажи рабочей силы, если он выступает именно как рабочий: поменьше

дать - побольше получить. Как только он начинает выдвигать политические требования, он выступает не как рабочий, а как гражданин. Смычкой является лишь требование возможности политической борьбы, то есть безнаказанность проведения забастовок. А там было очень много иллюзий в этом плане. Тот же Валенса и другие так и думали, что "демократическая республика" является чисто рабочим требованием. Не так все просто. Именно поэтому там и должно было наступить такое расслоение...

Но я ничего не далал. Я не имею морального права сейчас говорить о влиянии этих событий. Я не был человеком, который считал: мое место там.

Для большинства опыт Чехословакии был ценнее, чем опыт Польши. Хотя на самом деле реально они могли использовать только опыт Польши. Потому что процесс разложения бюрократии идет сам по себе и от демократических сил не зависит. А вот рабочее движение - оно зависит от демократических сил. Поэтому, когда начали организовывать независимые профсоюзы, - Кукобака и многие другие этим понемножку занимались, в том числе и СМОТ, который, конечно, был весьма фиговым... Но у нас ведь все, что самое ужасное, даже позитивные проявления носят несколько уродливый характер.

- Почему?

- Потому что, как правильно сказал *Онечко* Багач, в свое время, - "что это за профсоюз, где ни один человек никогда в жизни не работал?..." /?/

... Так вот, это было сорище - из Москвы и Ленинграда - люмпен-интеллигенции. Только небольшая часть людей работали, знали, что это такое. И СМОТовцы сделали правильный вывод из

польских событий. Да, еще раньше в 1978-м. Но эта идея - независимых профсоюзов - висела в воздухе. Повсюду в странах соцлагеря. Но нигде она не приняла сколько-нибудь серьезного характера, как в Польше.

- Почему так?

- Не берусь дать определения. Я недостаточно знаком со спецификой польского рабочего движения, чтобы судить о каких-либо традициях, которые дали эту возможность. Все ~~бывшие~~ соцстранны были в этом смысле примерно в одинаковом положении. Это действительно странно. Может быть, это объясняется еще и тем, что многие поляки работали во Франции. Историческая связь Польши с Францией заключалась именно в том, что значительная часть поляков работала в французских шахтах и т.д. По непонятным причинам этот процесс имел место. Тот же Герн, например. Польша имела какой-то выход на западные профсоюзы. Может быть, это объясняется ролью церкви, католицизма, наличием католических профсоюзов. У них было больше контактов с западными ~~трудовыми~~ профсоюзами, чем даже у венгров. Хотя тоже католическая страна. И движение профсоюзное еще в 1914 году, когда они были в Австро-Венгрии, было куда сильнее, чем в Польше. Но венгерская бюрократия сразу после событий 1956 года стала вести какую-то сложную игру, давала им определенные авансы⁶⁷. И профсоюзы как таковые не сложились в Венгрии. Сделали шаги по приватизации производства, дали возможность подрабатывать. Лучшие силы пошли в частную торговлю, частную промышленность. А в Польше только секретари обкомов имели личные таксомоторные парки, как известно.

- А когда произошел переворот, что вы переживали?

- Конечно было очень жаль, что события развернулись таким образом. Было несколько непонятно, почему все удалось так спланировать. Если, действительно были такие силы - 10 миллионов и все это удалось разгромить так легко, без особого сопротивления, это, конечно, удивляло. Я не знаю, насколько поляки принимали версию, что Ярузельский - это единственная возможность избежать советского вторжения. У меня такое впечатление, что "Солидарность" в это не верила. И, зная умонастроения народа, я сомневаюсь в том, чтобы поляки в массе своей были способны так рационально мыслить. Определенные круги - они исходили из этого, конечно. Но чтобы народ так мыслил - я очень в этом сомневаюсь. Поэтому мне было совершенно непонятно, почему переворот прошел так тихо и гладко. До сих пор, кстати, мне это неясно. И они предпочитают не касаться этого вопроса.

- А у вас не было знакомых поляков?

- Нет, никогда. Читал я о Польше в самиздате и тамиздате. Польский выучить не хотел. Нет, не воспринимал я с самого начала этого движения как силу, способную победить. Не верил я в это дело. Если в Чехословакию я верил, потому что был пример Югославии: отвернулось правительство от Союза, и ничего тот сделать не может. В успех Польши я не верил.

Это был застой у нас. Мало того, у меня сложилось такое впечатление, что, за исключением молодежи, начинающих, типа Скобова, вся группа старших была настолько разочарована провалом Чехословакии, что никто уже не верил в возможность чего-нибудь достигнуть. Преобладало ощущение того, что ничем хорошим

это не кончится, что рано или поздно им свернут^{таки} шею.

1. Молостцов - журнал "Социалист" - машинописный.

2. Скобов - распечатки радиоголосов - очень верил в польскую идею. Потому что это было первое разочарование.

3. Сергей Маслов, математик, доктор наук - журнал "Сумма" (погиб в 83-м или 84-м), около 40 лет Реферативный журнал по всей самиздатовской литературе и западным изданиям. Он встречался с поляками.

Мужские рабочие польскими событиями не интересовались.

Там не было шовинистических настроений. Но и интереса тоже не было, тем более - желания у себя что-нибудь сделать. Говорили: у нас это невозможно, там - конечно. В 1968-м году, как мне рассказывали, среди рабочих были действительно шовинистические настроения: "Правильно, навели у чехов порядок, так им!" Но я допускаю, что информация Скобова действительно могла соответствовать действительности, тем более он работал в строительной индустрии, где публика наиболее лояльная, с одной стороны - способная бить стекла, а с другой - ярые шовинисты.

Мы (я и Вениамин Иоддэ) не чувствовали огромного эмоционального подъема. Другое дело - 68-й год, Чехословакия. В лагере однородная публика, друг друга подогревали. В 80-м на фоне всех наших полных провалов демократического движения как-то преобладало ощущение подавленности. И поэтому не было, не могло быть эмоционального подъема. И Миша Молостзов, благодаря своей изоляции от всех этих дел, воспринял это более активно.

(Рассуждение: правозащитник - революционер,) Правозащитники действуют сами и призывают других действовать в рамках совет-

10

ских законов, советской конституции, сохраняя основы и т.д. Революционеры - ратуют за изменение ~~жизнедеятельности~~ государственного устройства, политической системы, то есть выступают против конституции страны. В этом смысле я революционер. Никогда, даже чисто из тактических соображений я не считал, что под это можно что-то иметь.

Главным достижением правозащитного движения, которое внесло свой вклад в разложение советской бюрократической системы, заключалось в том, что оно пошло на активное сотрудничество с западными корреспондентами и общественным мнением Запада. Как правильно сказал Гинзбург: "Мы должны разговаривать с нашим правительством через Запад, обращаться к нему нам бессмысльно, с нами оно разговаривать не будет". И Брежнев, Андропов, Горбачев постепенно привыкли к тому, что есть вещи, о которых они должны давать отчет западным сенаторам. Им этого очень не хотелось, поэтому они были вынуждены на этих вопросах вилять. А всякое виляние - оно гибельно. Что и подтвердила Польша.

Польша не вызвала у меня эмоционального потрясения потому, что было слишком много разочарований и уже не хватало сил на то, чтобы бескорыстно радоваться за поляков. А не в силу того, что я считал это преждевременным. Как раз я считал, что рабочих требований недостаточно, они эту систему не изменят. Единственный выход - демонтировать саму систему. Я не считал, что чисто пролетарским бунтом это удастся сделать.

- А верили после декабря 1981 года, что "Солидарность" жива?

-II-

- Да, конечно. Такие вещи даром не проходят. После того, как основная масса людей оказалась так или иначе вовлеченной, нужны массовые репрессии и изъятие очень большого количества людей. Понимал, что это временное отступление, что при первой возможности движение возродится. Готовые структуры, те, что есть, наложенные связи и группы людей, способных быстро сорганизоваться, - гарантия этого.

Были и такие настроения интеллигенции: пока не сдвинется с места ситуация в Советском Союзе, ничего никому не удастся сделать. Это были ~~безответственные~~^{ответ} заявления, т.к. было видно, что делается. Уже в это время в Польше была открытая граница, свободные въезды.

- События имели значение для положения в нашей стране?

- Нет, никакого, к сожалению. Потому что рабочее движение, которое, казалось бы, должно было подняться на этой волне, не возникло. Мы не знаем примеров этому.

Я не вижу у нас сколько-нибудь серьезных профсоюзов. Сегодня не вижу. В этом смысле опыт Польши нам ничего не дает. Профсоюзы не возникли ни теперь, ни пять лет назад, ни тем более тогда...

*Интервью
П. Т. Косыгина (Коз)*